

Псковский регионологический журнал 2013-2024

ISSN 2079-8784

URL - <http://ras.jes.su>

Все права защищены

Выпуск 3 (43) Том . 2020

Культурно-ландшафтные исследования за рубежом: национальные традиции и научные школы в мировой культурной географии

Стрелецкий Владимир Николаевич

*главный научный сотрудник; профессор, ФГБУН Институт географии РАН
Российский университет дружбы народов
Москва, Россия*

Аннотация

Статья посвящена становлению и эволюции представлений о культурном ландшафте в мировой культурной географии на примере ее ведущих зарубежных школ. Рассматриваются истоки представлений о культурном ландшафте, дается характеристика разных исторических этапов формирования и развития культурно-ландшафтной концепции. Проведен сравнительный анализ ведущих национальных традиций культурно-ландшафтных исследований: немецкой, французской и англо-американской; характеризуются различные научные и методологические подходы к исследованию культурного ландшафта. Большое внимание уделено переосмыслению концепта культурного ландшафта в мировой географической науке в конце XX — начале XXI веков, а также интердисциплинарным связям между культурной географией и смежными как географическими, так и социогуманитарными науками. Дается оценка последствий «культурного поворота» в западной географии человека для развития культурно-ландшафтных исследований в современной России.

Ключевые слова: культурная география, культурный ландшафт, культурный поворот в географии, сциентизм и феноменология, пространство и место, местное сообщество

Дата публикации: 17.05.2021

Источник финансирования:

Статья подготовлена при поддержке гранта РГО в рамках проекта № 12/2020-И «Этнокультурно-ландшафтный атлас Псковской области».

Ссылка для цитирования:

Стрелецкий В. Н. Культурно-ландшафтные исследования за рубежом: национальные традиции и научные школы в мировой культурной географии // Псковский регионологический журнал – 2020. – Выпуск 3 (43) С. 73-91 [Электронный ресурс]. URL: <https://prj.pskgu.ru/S221979310010477-7-1> (дата обращения: 03.05.2024). DOI: 10.37490/S221979310010477-7

¹ **Введение** Понятие ландшафта — одно из ключевых в географической науке. Ландшафтный подход сыграл первостепенную роль в развитии и географии в целом, и частных физико-географических дисциплин. Но ландшафтный исследовательский подход получил широчайшее распространение и в географии человека (*Human Geography*, как она именуется в англоязычной традиции), т. е. в обществоведческой «ветви» географической науки. Ландшафт как предметная и осязаемая среда человеческого бытия не может быть осознан и осмыслен вне культурного контекста, связь ландшафта и культуры фундаментальна и неразрывна. И не случайно концепция *культурного ландшафта* стала одним из драйверов развития культурной географии как самостоятельной географической дисциплины с самых истоков её становления ещё в первой половине прошлого столетия: первая общепризнанная научная школа в культурной географии (*Cultural Geography*), основанная Карлом Зауэром, была именно культурно-ландшафтной.

² **Цель** статьи — обзор и анализ (в кратком и компактном, но при этом — интегральном и комплексном — формате) истории научных представлений о культурном ландшафте, их роли в развитии культурной географии и выявление важнейших трендов эволюции концепта культурного ландшафта на протяжении XX и XXI вв.

³ Конкретным **объектом** рассмотрения в данной статье выступают *ведущие зарубежные национальные школы культурно-ландшафтных исследований*: 1) *англо-саксонская*, в первую очередь североамериканская, в меньшей степени британская; различия между двумя этими ветвями существуют, но они менее фундаментальны, по сравнению с их отличиями от других культурно-ландшафтных школ; 2) *франкофонская* (в данной статье использованы франкоязычные работы исключительно учёных из самой Франции, что, разумеется, никоим образом не исчерпывает всего многообразия франкофонской национальной культурно-ландшафтной традиции); 3) *немецкоязычная* (их анализ выполнен, главным образом, на основе работ географов и ландшафтоведов из Германии и Австрии).

⁴ *Формирование, эволюция, современное состояние культурно-ландшафтных исследований в нашей стране в статье напрямую не рассматривается.* Данные сюжеты заслуживают отдельного анализа и просто не вмещаются в лимитированный объём данной работы. Кроме того, эта проблематика изучена отечественными географами значительно детальнее,

разностороннее и капитальнее, чем генезис и эволюция концепта культурного ландшафта в общемировом контексте; ей посвящено уже много научных трудов российских исследователей ([4–6; 8; 14] и др.).

⁵ **Формирование научных представлений о культурном ландшафте.** Ландшафт — одно из фундаментальных понятий географии, но истоки его иные, с географией связанные лишь косвенно. Современный термин *ландшафт*, как известно, — калька с немецкого языка (*Land* — земля, *schaft* — суффикс, указывающий на совокупность, взаимосвязь, сочленение), но исходным было старогерманское слово *lantscap*, обозначавшее что-то вроде единой священной земли, территории единой паствы [16]. Письменное же употребление этого слова впервые зафиксировано в документах Фульдского аббатства (одного из старейших в Германии, в современной земле Гессен), датируемых началом IX в.¹ Впоследствии, уже в начале Нового времени, старогерманское слово перешло в нидерландский, а затем и в немецкий языки, и появилось современное слово *Landschaft*. Вплоть до XIX в. термин «ландшафт» не имел какой-либо концептуализации в географии и использовался в иных сферах²

⁶ В научный же дискурс термин «ландшафт» был введён Александром фон Гумбольдтом (1769–1859), великим немецким учёным-энциклопедистом, путешественником и натуралистом, одним из основоположников «классической» географии как самостоятельной науки. Его современник, другой выдающийся немецкий географ, Карл Риттер (1779–1859), развивая сравнительный метод, подошёл к представлению о ландшафте как о едином целом. До начала XX в. ландшафт понимался как неразрывное единство природных и культурных элементов; особенно характерным это было для великой антропогеографической научной школы [15]. Для антропогеографов попросту не существовало проблемы деления ландшафтов на «природные» и «культурные», ибо под ландшафтом подразумевался именно территориальный «выдел», характеризующийся физико-географической и культурной целостностью. Для XIX столетия во многих отношениях прослеживается очевидная смысловая «перекличка» между понятиями «ландшафт» и «район» («регион»), хотя первый использовали, большей частью, немецкие географы (*Landschaft*), а второй имел англосаксонские корни (*region*). Но в XX в. исторические пути эволюции «ландшафтного» и «регионального» направлений в мировой географической науке сильно разошлись, а внутри каждого из них стали формироваться очень разные научные школы, отличавшиеся, к тому же, яркой национальной спецификой.

⁷ Основоположником учения о культурном ландшафте считают немецкого географа Отто Шлютера (1872–1959); именно он предложил соответствующий термин (нем. *Kulturlandschaft*) для обозначения ландшафтов, преобразованных деятельностью человека, в отличие от так называемых естественных, первозданных ландшафтов («*Urlandschaft*»). Культурный ландшафт, по О. Шлютеру, есть материальное единство природных и культурных объектов, доступных восприятию человека [47, S. 213–214].

⁸ То, что понятие о культурном ландшафте возникло именно *в Германии*, далеко не случайно. Ведь и ландшафтная концепция в целом разрабатывалась

изначально, в первую очередь, немецкими географами. Именно ими были сформулированы теоретические постулаты «классического» ландшафтоведения, начались систематические практические исследования (в т. ч. и экспедиционные) ландшафтов не только своей страны, но и зарубежных регионов мира; по масштабам экспедиционной мобильности немецкие географы просто не имели конкурентов в конце XIX — начале XX вв. среди представителей других национальных географических школ, они проводили свои исследования буквально во всех освоенных регионах Земного шара и частях света. Многие немецкие географы — в их числе О. Шлютер, Л. Вайбель, Х. Лаутензак, Й. Шмиттхюзен, З. Пассарге, Э. Банзе и др. — считали именно «ландшафт» основным понятием и главным исследовательским объектом географии [13]; некоторые из них вообще не проводили принципиальных различий между географией (“Geographie”), общим землеведением (“Erdkunde”) и ландшафтоведением (“Landschaftskunde”).

⁹ Также в формировании и эволюции представлений о культурном ландшафте в немецкой географии нашла отражение и *хорологическая концепция*, истоки которой восходят ещё к идеям Иммануила Канта (1724–1804), а научная разработка которой велась, прежде всего, именно немецкими учёными. Ещё в середине XIX в. Карлом Риттером, одним из основоположников школы сравнительной географии и автором термина «Землеведение» ([10] и др.), фактически были сделаны первые шаги в направлении культурно-географического районирования; хотя сам автор и не использовал подобной терминологии, он тщательнейшим образом описывал традиции, быт, культуру и нравы народов, населявших разные области и провинции отдельных стран и частей света.

¹⁰ В трудах Альфреда Геттнера (1859–1941) хорологическая концепция приобрела, по сути, свой завершённый и канонический вид. В 1927 г. вышел его капитальный труд «География, её история, сущность и методы» (переведённый на русский язык уже в 1930 г. под редакцией Н. Н. Баранского), в котором были изложены постулаты его хорологической концепции [31]. Главное в географии, по Геттнеру, — познание земной поверхности в её пространственных различиях; при этом на первый план в его трактовке хорологии выдвигаются уже не размещение объектов и даже не «заполнение» пространства земным «веществом» как таковое, но прежде всего *пространственные отношения* на земной поверхности, *пространственные сочетания и связи* предметов и явлений, структурные характеристики *индивидуальных районов* (местностей). Имея в виду *влияние А. Геттнера на развитие культурно-ландшафтной концепции*, важно подчеркнуть три обстоятельства. Во-первых, пространственные связи предметов и явлений на земной поверхности им мыслились как *ландшафтные*; иными словами, для немецкого учёного ландшафтный дискурс совершенно не исключал пространственного: главное в ландшафте, по Геттнеру, — пространственная связность его элементов. Во-вторых, к системам географических объектов А. Геттнер относил и человеческое общество, в своей пространственной дифференциации «вписанное» в ландшафт. В-третьих, особый акцент на задаче постижения пространственных культурных различий на земной поверхности выдвигает районирование культуры в число приоритетных и ключевых географических тем и даёт важный импульс развитию концепции регионализма в культурной географии [3]. По Геттнеру, уникальные сочетания разных объектов и

явлений на определённых территориях и порождают региональное *культурно-ландшафтное разнообразие*, формирование самобытных культурно-географических *хоросов* (районов, стран, пространств).

11 Вполне закономерно, что именно в Германии представление о географии как о науке, призванной изучать земную поверхность во всём многообразии её пространственных различий, закрепилось наиболее прочно и стало разделяться подавляющим большинством исследователей. Данное обстоятельство в огромной степени предопределило *своеобразие работ немецких авторов по культурному ландшафту*, в которых, как правило, чётко прослеживается хронологический метод исследования; очень характерны тщательное, педантичное прописывание мельчайших пространственных различий. Именно в Германии (ещё учениками О. Шлютера) были выполнены *пионерские работы по культурно-ландшафтному районированию*, в т. ч. на микрогеографическом уровне.

12 Наконец, одной из важнейших (с точки зрения её влияния на становление национальной школы культурно-ландшафтных исследований), является великая традиция *классической немецкой антропогеографии*. Здесь в первую очередь следует назвать антропогеографическую школу Ф. Ратцеля (1844–1904), в фокусе внимания которой не только находились вопросы влияния природных факторов на историю разных народов, но и подробно описывались распространение локальных и региональных комплексов культуры по Земному шару и роль исторических контактов в формировании культуры народов — в неразрывной связи с ландшафтными особенностями соответствующих территорий. Основы антропогеографического учения Ф. Ратцеля изложены, прежде всего, в трёх его капитальных трудах (каждый — в нескольких томах): это «Антропогеография» [38], «Народоведение» [39] и «Земля и жизнь» [40]³.

13 В целом, для немецкой национальной географической традиции характерно приоритетное внимание к материальным, «овеществленным» компонентам культурного ландшафта. Постулат об особом значении природного базиса культурного ландшафта получил очень широкое распространение и поддержку за пределами Германии, прежде всего, среди географов многих других европейских стран. В частности, несомненно и очевидно большое влияние немецкой культурно-ландшафтной традиции на становление представлений о культурном ландшафте в нашей стране.

14 Это, однако, никоим образом не означает, что немецкие географы игнорировали нематериальные характеристики культурно-ландшафтного дискурса (рассмотрение ландшафтных предпочтений разными, в т. ч. территориальными, группами людей, их поведение в ландшафте и т. п.). Просто до поры до времени эти сюжеты не были в фокусе приоритетного внимания. Впрочем, и здесь имели место исключения, причём отнюдь не единичные. В качестве ярчайшего примера можно привести замечательную работу Эвальда Банзе «Ландшафт и душа: новые пути исследования и формирования образа», вышедшую ещё в 1928 г. и специально посвящённую рассмотрению духовных и эстетических аспектов изучения ландшафтов [17]. Эта книга была по достоинству оценена многими культур-географами ещё при жизни автора, но впоследствии оказалась как бы в тени «бума» публикаций капитальных работ по культурному ландшафту; её

переосмысление началось в 1970-е гг., под влиянием развернувшейся «философской революции» в западной географии и отхода многих географов от неопозитивистской методологии.

¹⁵ **Во Франции** истоки культурно-ландшафтного подхода отчасти восходят ещё к трудам Элизе Реклю (1830–1905) — великого географа и историка XIX столетия, политического и общественного деятеля-анархиста, автора многотомного географического издания «Земля и люди» (1873–1903). И хотя само понятие «культурный ландшафт» учёные-географы в то время, разумеется, ещё не использовали, наследие Э. Реклю впоследствии было широко востребовано во французском культурно-географическом ландшафтоведении, поскольку его «средовой» подход позволял рассматривать явления культуры и географической среды (термин, введённый в широкий научный дискурс именно Реклю) в их неразрывном единстве. А именно такое единство стало в итоге главной особенностью французского «видения» культурного ландшафта.

¹⁶ Непосредственный же толчок развитию культурно-ландшафтных исследований во Франции дали работы учёных знаменитой национальной школы «географии человека», основоположником которой был Поль Видаль де ла Блаш (1845–1918); им были сформулированы важнейшие принципы географического POSSИБИЛИЗМА — концепции, альтернативной распространённому в то время географическому детерминизму. В соответствии с ней, географическая среда выступает как «фон», как ограничивающее и изменяющее деятельность людей начало, она скорее не детерминирует, но лимитирует таковую. Сам П. Видаль де ла Блаш не успел при жизни завершить свой главный научный труд с изложением теоретических «принципов географии человека»; в книгу с таким названием [50] вошли работы разных лет, подготовленные к изданию одним из учеников Видяля — Э. де Мартонном, уже после кончины мэтра. Многочисленные последователи П. Видяля де ла Блаша (Ж. Брюн, А. Деманжон, Э. де Мартонн, Л. Галлуа, П. Деффонтен и др.) не только развили далее его научные идеи, но и успешно применили их в практических географических исследованиях конкретных территорий и ландшафтов Франции, а также других стран и регионов мира. Именно в трудах представителей этой замечательной плеяды французских географов оформились научные представления о национальном французском «пейзаже» (ландшафте) ([49] и др.). Географический POSSИБИЛИЗМ лёг в основу научных разработок культурного ландшафта во Франции, определив глубокое своеобразие французской национальной школы на многие десятилетия. А искусство описания разных местностей и ландшафтов во французской географии человека конца XIX — начала XX вв. до сих пор многими считается непревзойдённым и вошло в «золотой фонд» мировой географии.

¹⁷ Вместе с тем, в адрес географов этой школы на протяжении всего прошлого столетия выпускалось и немало критических стрел, в частности, со стороны тех учёных, труды которых определяли мейнстрим культурно-ландшафтных исследований в других национальных школах (особенно в англосаксонских странах, Германии и даже в СССР). При всех различиях между национальными школами и традициями, французским географам часто вменяли в вину, причём с совершенно разных мировоззренческих позиций, излишний крен в сторону описательности и слабость теоретических, концептуальных подходов.

Французская школа географии человека оставила колоссальное научное наследие в виде детальных характеристик описываемых территорий с их ландшафтным разнообразием, образом жизни местного населения (*genre de vie*), спецификой расселения, хозяйственными занятиями, этнографическими и культурно-географическими особенностями местных жителей. И вся эта богатая природно- и культурно-географическая мозаика репрезентировалась как местный, региональный или даже национальный *paysage* (термин, соответствующий отнюдь не только «пейзажу» в русском языке, но и ландшафту — нем. *Landschaft*, англ. *landscape*). Особенно велик вклад последователей П. Видаля де ла Блаша в изучение культурных ландшафтов сельских местностей. В фокусе их внимания были, прежде всего, совсем небольшие территории — так называемые *paus* (на русском языке их можно было бы обозначать как «края» или «земли», но по своим размерам французские *paus*, как правило, гораздо мельче таксонов, которым обычно соответствуют данные названия в русской географической традиции). По Ж. Брюну [20], *paus* могут отождествляться с простейшими географическими районами, но и сами они распадаются на ещё более дробные «географические единства», образующие как бы «низовые» ячейки ландшафтного разнообразия стран и регионов.

19 Работы по культурным ландшафтам во французской географии человека отличает *последовательный историзм*. Традиции геоисторического синтеза во Франции были заложены ещё Элизе Реклю, который любил повторять, что в его понимании «география есть история в пространстве, а история — география во времени». Выдающиеся французские историки Марк Блок (1886–1944) и Люсьен Февр (1878–1956), основоположники знаменитой школы «Анналов», также были широко вовлечены в региональные и даже микрогеографические исследования процессов исторической трансформации разных местностей своей страны; именно Л. Февр написал предисловие к первому изданию посмертно изданной главной книги П. Видаля де ла Блаша. В трудах учёных школы Видаля де ла Блаша, вышедших в начале XX в., историко-географический подход был мастерски сфокусирован, в первую очередь, именно на *микрولандшафтный уровень исследований*. Ж. Брюн, П. Деффонтен, Л. Галлуа особенно успешно использовали диахронические методы в исследовании структуры и динамики культурных ландшафтов. Конечно, ландшафтная фокусировка предполагает известный консерватизм историко-географического анализа: визуальный облик ландшафта меняется всегда намного медленнее по сравнению с жизнью социума как таковой. Но французские географы школы Видаля и не ставили перед собою неразрешимых научных задач, они стремились к разумному историко-географическому синтезу, а не к тому, чтобы «растворить» историю в географии. Как подчёркивал Ж. Брюн в предисловии к своему трёхтомнику «География человека» [20], история социально-экономических трансформаций интересует эту науку не вообще, но в той мере, в какой данные изменения находят отражение именно в ландшафте.

20 **В странах англо-американской географической традиции** (прежде всего в США) становление культурно-ландшафтного исследовательского направления фактически началось в 1920-е гг. и было тесно связано с формированием именно *культурной географии* (*Cultural Geography*) как самостоятельной ветви

географических исследований, которая стала постепенно обособляться от других направлений *географии человека* (*Human Geography*) в целом. Разумеется, и в Великобритании, и в США культурными ландшафтами много занимались не только культур-географы, но и профессиональные физико-географы. Но в США, в отличие, например, от Германии (и, тем более, от России), вклад последних в теоретическую разработку концепции культурного ландшафта на протяжении всего XX в. существенно уступал научным достижениям культур-географов.

²¹ Ведущую научную школу исследований культурного ландшафта, получившую мировое признание, основал Карл Зауэр (1889–1975), выходец из семьи немецких иммигрантов, возглавивший в 1923 г. факультет географии в Калифорнийском университете в Беркли. Ландшафтные представления О. Шлютера, идеи немецких антропогеографов (Ф. Ратцеля, Р. Градмана и др.) и критически осмысленный хронологический подход А. Геттнера составили исходную мировоззренческую основу разработки К. Зауэром гораздо более системной концепции культурного ландшафта, по сравнению с теми, которые только пробивали себе дорогу в континентальной Европе. Небольшая по объёму программная теоретическая статья К. Зауэра «Морфология ландшафта» [46] была опубликована в 1925 г.; за ней последовало несколько крупных работ этого выдающегося учёного и его учеников с детальным изложением концепции. По К. Зауэру, культурный ландшафт — это территория, которую в течение определённого исторического периода населяла группа людей — носителей специфических культурных ценностей, отличающаяся характерной взаимосвязью природных и культурных форм. Культура интерпретируется американским учёным как активное начало во взаимодействии с природной средой, природный ареал как посредник («фон») человеческой деятельности, а культурный ландшафт как результат их контакта. Таким образом, зауэровская концепция морфологии ландшафта, так же как и научный подход лидеров и глашатаев французской школы географии человека (среди которых наибольшее влияние на К. Зауэра оказал Ж. Брюн), была насквозь пронизана идеями географического POSSИБИЛИЗМА, но предполагала системную и более структурно артикулированную интерпретацию культурного ландшафта.

²² Традиция Берклийской школы оказалась настолько мощной, что зауэровский подход определял характер культурно-ландшафтных исследований (а вместе с таковыми и мейнстрим американской *Cultural Geography*) на протяжении нескольких десятилетий XX в.; большую популярность идеи К. Зауэра получили ещё до Второй мировой войны в Великобритании и в континентальной Европе. Квинтэссенция данного подхода — антропоцентризм и пришедший на смену географическому детерминизму и неоэнвайронментализму культурный детерминизм: культура трактуется как важнейшая движущая сила, формирующая «морфологию» (в зауэровском смысле) земной поверхности. Соответственно, внимание исследователя концентрируется на привнесённое в природный ландшафт рукотворное начало, делается акцент на изучении «внешнего» облика ландшафта, факторов и конкретных, «осязаемых» результатов его трансформации (систем землепользования, форм поселений, архитектурных объектов, коммуникаций и др.) [33; 45].

23 Вместе с тем, научные разработки «морфологической школы» К. Зауэра на протяжении всего XX в. подвергались резкой критике. Так, ещё в конце 1930-х гг. против методологии К. Зауэра резко выступил один из ведущих американских географов Ричард Хартшорн (1899–1992). Его главной мишенью стал ключевой постулат теоретических разработок К. Зауэра — акцент на «территориальную морфологию» культурного ландшафта, трактовка последнего как пространственного ареала. Подчёркивая свою приверженность хорологическим идеям и трактовке географии как науки чисто идеографической (призванной описывать множество районов, каждый из которых — сугубо индивидуален и неповторим [30, р. 253]), Р. Хартшорн указывал, что «ландшафт» К. Зауэра (“landscape”) неотличим от «района / региона» (“region”). Позднее, в 1950–1960-е гг., в период публикационного пика культурно-ландшафтных работ зауэровской школы, их много критиковали за излишний сциентизм, позитивизм, культурный детерминизм.

24 **Эволюция представлений о культурном ландшафте в ведущих зарубежных культурно-географических научных школах в последней трети XX — начале XXI вв.** Начиная примерно с рубежа 1960–1970-х гг. в западной географии человека происходит пересмотр многих устоявшихся традиций, меняются подходы к постановке и решению фундаментальных теоретико-методологических проблем [12]. В частности, доминировавшие представления о культурном ландшафте в традициях зауэровской школы также подвергаются всё большей «эрозии». В это время в странах Запада (преимущественно в Северной Америке и Западной Европе) формируется идейное направление, получившее название «гуманистической географии». В значительной мере оно возникло как раз как реакция на широкое распространение в географии человека в предшествующее десятилетие количественных методов исследования и «строгих» пространственных моделей, в которых человек трактовался, большей частью, с позиций логического позитивизма, как своего рода абстрактная «статистическая» единица. Одним из ярчайших проявлений новых трендов стала, в т. ч. и радикальная трансформация концепта культурного ландшафта. Его переосмысление имело свои специфические особенности в разных национальных школах.

25 **В англосаксонских странах (в Великобритании и особенно в США)** отход от ранее повсеместно господствовавшей в географии человека позитивистской парадигмы стал, по сути, мейнстримом. В фокусе исследовательского интереса теперь оказались не материальные элементы культурного ландшафта, но поведение человека и социальных групп в разных типах ландшафтов и их восприятие в разных культурных контекстах. Главными новыми исследовательскими темами стали «ландшафт как текст», «ландшафт как метафора», «ландшафт как знаковая система» и др.

26 «Гуманистическая география» 1970-х гг. оказала огромное влияние на развитие культурно-ландшафтных исследований в Северной Америке — и в США, и в Канаде. Провозгласив своей философской основой феноменологию, а методологической — герменевтику, она основное внимание сфокусировала на самом человеке — с его внутренним миром и психологией, мыслями и чувствами. У истоков нового направления стояли, прежде всего, канадский географ,

профессор Торонтского университета Э. Релф [41; 42] и американский географ И-Фу-Туан [48]. Оно же ещё в 1970-е гг. получило широкое распространение в британской географии (как, впрочем, и в странах континентальной Европы — например, в Нидерландах, государствах Скандинавии и др.). Значение конкретного места или ландшафта в «гуманистической географии» интерпретировалось не в контексте его физического расположения в географическом пространстве, но сквозь призму их восприятия человеком.

²⁷ Широкое распространение получили образно-символические трактовки культурного ландшафта [23; 35; 36]. Для постижения символических значений ландшафта потребовалось кардинально обновлять не просто теорию культурной географии (основы которой были заложены ещё зауэровской школой), но и методологию исследований, и непосредственно методический аппарат. Прежние, сциентистские методы, хорошо работавшие при исследованиях материально осязаемых артефактов в культурном ландшафте, оказались мало применимыми в изучении пространственных представлений и образов ландшафта.

²⁸ Одним из ключевых понятий «новой» англосаксонской культурной географии, лёгших в основу культурно-ландшафтных исследований на рубеже третьей и последней четвертей XX в., стала *топофилия* — термин, получивший широкое признание, прежде всего, после публикации работ И-Фу-Туана ([48] и др.). В общем случае, топофилия — это привязанность человека или группы людей к тому или иному месту или ландшафту. Это не обязательно привязанность к родным местам, к «малой родине»; топофильные коннотации могут связывать людей просто с более комфортными и эстетическими привлекательными ландшафтами, безотносительно к тому, насколько хорошо люди знают и любят конкретные местности и территории, посещали ли они их и др. Появились и капитальные географические труды, посвящённые «воображаемым ландшафтам», взаимосвязи восприятия реально существующих ландшафтов, географического воображения и национальной, региональной, локальной идентичности ([24] и многие др.).

²⁹ С небольшим временным лагом в культурно-ландшафтные исследования англо-американских географов проник и альтернативный дискурс — *топофобный*. Здесь в фокусе внимания — ландшафты, вызывающие тревогу, страх и неприятие, эстетически непривлекательные и дисгармоничные. Разумеется, топофобные образы существовали всегда, но объектом специальных и системных культурно-ландшафтных исследований они являются на протяжении лишь чуть более полувека. Впрочем, «топофильность» и «топофобность» ландшафтов — это всегда производная от социокультурных, этических и эстетических установок той или иной эпохи; они меняются со временем, дифференцированы по социальным группам и большим культурно-цивилизационным пространствам. Можно привести уйму примеров, когда конкретные пустынные или высокогорные ландшафты, непроходимые лесные чащи оценивались в прошлом негативно, но затем были поэтизированы и приобрели невероятную привлекательность. Процессы индустриализации, да и современный экологический кризис приносили и приносят множество изменений в восприятие конкретных ландшафтов в контексте дихотомии «топофилия — топофобия».

30 Ещё одна новая тема, привлекающая внимание культур-географов в последней трети прошлого века (особенно в США и в меньшей степени в Великобритании), — изучение так называемых *вернакулярных районов*, выделяемых самими жителями данной территории (от английского слова *vernacular* — местный, свойственный той или иной местности; родной; туземный; народный). С рубежа 1970-х — 1980-х гг. этот термин стал постепенно вытесняться более точным понятием «вернакулярный ландшафт» (*vernacular landscape*) [32; 52], обращённым к социогуманитарному дискурсу местного сообщества и локальной идентичности. Вернакулярные ландшафты — плоть от плоти народной культуры, при этом культуры массовой; они существуют не в умах исследователей, а внутри социума, воспринимаются и осознаются самими жителями.

31 В «новой» культурной географии (в отличие от прежней, традиционной) даже при исследованиях местных сообществ как «творцов» тех или иных культурных ландшафтов оказалось недостаточным оперировать среднестатистическими категориями. Теперь на повестку дня встал сложнейший вопрос перехода от рассмотрения больших социальных групп в широком культурно-ландшафтном контексте (чем успешно занимались ещё К. Зауэр и его последователи) к анализу поведения в ландшафте и восприятия ландшафта индивидуумом, что в «гуманистической» географии Запада было объявлено одним из главных исследовательских приоритетов. Соответственно возникла потребность в разработке специальных методик, позволяющих «встраивать» анализ многообразия разных типов индивидуального поведения в ландшафте и восприятия ландшафта в исследование аналогичных процессов для больших совокупностей людей. В свою очередь, это стало одной из причин радикального разворота «новой» культурной географии в сторону смежных негеографических социогуманитарных дисциплин — социологии, культурной антропологии (так она называется в США; в Великобритании же, как и в большинстве стран континентальной Европы, эта наука обычно именуется «социальной антропологией»), социальной психологии и др. Такое междисциплинарное взаимодействие существенно обогатило методический инструментарий и саму палитру культурно-ландшафтных исследований. Но синхронно здесь возникает и непростая новая проблема — *самоидентификации географии* (и культурной географии в том числе) в изменившихся условиях и её места в огромном континууме многих дисциплин, ныне обратившихся к проблематике культурного ландшафта. Так что однозначно оценивать данный процесс, на мой взгляд, не следует и пока преждевременно; здесь нужен стереоскопический взгляд.

32 **В Германии** с середины прошлого века культурно-ландшафтные исследования на западе и востоке страны стали всё более расходиться по своим мировоззренческим основам. В ФРГ проводилось очень много культурно-ландшафтных исследований и в физической географии, и в географии человека, причём в последней больше. На статус преемницы прежней антропогеографии в Западной Германии претендовала, в первую очередь культурная география (*Kulturgeographie*), сохранившая традицию максимально широкого подхода к ландшафту, в единстве его культурных компонентов и природной основы [26; 51]. Но внимание культурным ландшафтам стало уделяться и в немецкой социальной

географии (Sozialgeographie). Разворот последней в сторону культурно-ландшафтной проблематики начался в конце 1940-х гг. и был связан прежде всего с именем австрийского и немецкого географа Ханса Бобека (1903–1990). Одна из трёх главных задач социальной географии, по Х. Бобеку, заключается в изучении и выявлении «социальных сил», формирующих ландшафты Земли, и конкретных результатов их воздействия, материализованных в культурных ландшафтах [19, S. 120]. Уже в следующее десятилетие сложилась знаменитая «мюнхенская школа» социальной географии, представленная именами В. Хартке, К. Рупперта, Й. Майера, Ф. Шаффера и их коллег. В работах «мюнхенской школы» особый акцент делался на разработке методик дефиниции, демаркации и типологии социальных групп — «творцов» культурного ландшафта ([28; 29; 44] и др.). В последней четверти XX столетия в ФРГ происходит (со сравнительно небольшим временным промежутком) переосмысление концепта культурного ландшафта, во многом напоминающее тот «культурный поворот», что отмечался и в англосаксонских странах.

³³ Ландшафтоведение же в ГДР, сохраняя многое из богатого научного наследия ранее сложившихся немецких физико-географических школ, вместе с тем, постепенно размежёвывалось с великой традицией германской антропогеографии и следовало в основном естественнонаучным образцам. Кроме того, большое влияние на трактовку культурного ландшафта в ГДР (работы Эрнста Неефа и др. восточногерманских ландшафтоведов) оказала советская ландшафтная физико-географическая школа. Культурный ландшафт стал пониматься преимущественно как географический ландшафтный комплекс, либо формирующийся в процессе непреднамеренных изменений природного ландшафта под воздействием деятельности человека, либо вообще как продукт целенаправленных усилий людей. В такой интерпретации грань между «культурным» и «антропогенным» ландшафтами становилась почти неразличимой. Культурная же география в ГДР, напротив, фактически «растворилась» среди смежных географических и общественных наук и не имела, особенно в 1950-е — 1970-е гг., сколько-либо весомых научных достижений.

³⁴ После воссоединения Германии в 1990 г. различия в теории, методологии и проблематике культурно-ландшафтных исследований между научными сообществами географов в «старых» и «новых» землях ФРГ стали постепенно сглаживаться. Этому процессу способствовали не только само объединение страны и интеграция её научного пространства, но и значительный приток в восточногерманские университеты коллег-географов, профессоров из западных земель. Конечно же, определённую роль сыграла и естественная смена поколений исследователей и учёных (в частности, «замещение» научных кадров, сложившихся в географическом сообществе ещё прежней ГДР, более молодыми, не испытавшими влияния распространённых в бывших социалистических странах воззрений на сущность культуры и представлений об антропогенизации ландшафта).

³⁵ *Во Франции* национальная культурно-ландшафтная школа в наибольшей мере сохранила преемственность по отношению к «классическому» наследию. Её отличает особо бережное отношение к традициям как школы П. Видаля де Ла Блаша (своей прямой «прародительницы»), так и смежной, исторической школы

«Анналов», создатели и лидеры которых с разных сторон успешно продвигали теоретические идеи и научную практику геоисторического и культурно-ландшафтного синтеза. Одно из лучших свидетельств такой преемственности — великолепная работа патриарха французской географии Ж.-Р. Питта «История французского ландшафта» [37]. Работа, которую с полным правом можно перевести и как «История французского пейзажа» (ибо французский язык отождествляет два этих понятия: пейзаж — он же и ландшафт).

³⁶ Несмотря на это, концепция культурного ландшафта во Франции испытала мощное «облучение» со стороны современной социально-культурной антропологии, гештальт-психологии, а также постмодернистской философии, причём в огромной степени — со стороны именно французских мыслителей. Так, в идейной эволюции французской культурно-ландшафтной школы специфически преломились философские воззрения М. Фуко (1926–1984), Ж. Бодрийера (1929–2007), а также постструктуралистов, в т. ч. Ж. Делёза (1925–1995) и Ж. Деррида (1930–2004). В частности, под прямым влиянием работ Жана Бодрийера, его концепции гиперреальности, ключевыми звеньями которой выступают знаки-симулякры, стало развиваться семиотическое направление ландшафтных исследований во французской культурной географии [21; 22]. В концепции же Мишеля Фуко, выдающегося философа, историка и культур-антрополога, именно *систематизация пространственных представлений*, способов «территориализации мысли», пространственной самоидентификации людей маркируют *общее для современной философии и теории географической науки «проблемное поле»* [27].

³⁷ Постструктурализм задал идейные рамки трактовки ландшафта как «социального конструкта», разделяемой многими современными французскими культур-географами. Знаменитая книга Анри Лефевра (1901–1991) «Производство пространства» [34] (переведённая на русский язык только в 2015 г.) и другие работы А. Лефевра оказали громадное влияние на новейшую методологию урбанистических исследований, географию городской культуры и постмодернистскую географию в целом. Другой классик постструктурализма, Ж. Делёз и его коллега, соавтор многих совместных с ним книг Ф. Гваттари (1930–1992), в центр своей концепции так называемой геофилософии (или философии пространства) поставили вопросы пространственной организации ментальной деятельности, её отношения к территории, месту и ландшафту; основные положения геофилософии в авторской интерпретации изложены в их знаменитой книге «Что такое философия?» [25].

³⁸ Один из ведущих современных французских географов, живой классик культурно-географического ландшафтоведения Поль Клаваль подчёркивает в своей фундаментальной монографии «Культурная география» [22] неразрывную связь культуры и ландшафта. С одной стороны, не только артефакты, но и ментифакты культуры находят свое непосредственное выражение в ландшафте-пейзаже. С другой стороны, ландшафт своим географическим разнообразием задаёт всегда альтернативные, разно-сценарные векторы возможной эволюции самой культуры местных сообществ. В такой трактовке, конечно же, отчетливо видна великая традиция французского географического попсибилизма.

39 Одной из главных научных тем в работах французских ландшафтоведов — культур-географов в последней четверти XX в. — начале XXI в. стало исследование влияния экономического развития и современной глобализации на ландшафты и экосистемы локальных культур и устойчивость последних. В этом же ряду находятся и вопросы трансформации местных идентичностей под влиянием изменений локальных культурных сообществ, укоренённых в конкретных местностях и испытывающих всё возрастающий прессинг массовой культуры ([18; 43] и др.). Пожалуй, именно в работах французских культур-географов наиболее убедительно показано, как в условиях глобализации носителями традиционной культуры зачастую утрачиваются интуитивные знания об их вмещающих ландшафтах и навыки ими управлять.

40 **Заключение.** Происходящий уже на протяжении полувека (примерно трёх десятилетий прошлого века и двух десятилетий нынешнего) «культурный поворот» (cultural turn) в мировой географической науке имел и сохраняет огромное теоретико-методологическое значение для культурно-ландшафтных исследований в современной России. К сожалению, богатейшее наследие русской антропогеографии дореволюционного и раннесоветского периодов было в нашей стране, в силу многих причин, с рубежа 1920–1930-х гг. фактически предано забвению. В обществоведческом «крыле» советской географической науки антропокультурный подход, лебединой песней которого стала замечательная книга В. П. Семёнова-Тян-Шанского «Район и страна» [11], по существу подвергся остракизму; на его место пришёл повсеместно доминирующий экономико-географический дискурс. Ландшафт же стал в Советском Союзе объектом научных исследований исключительно со стороны физико-географов; в фокусе их внимания находились природные ландшафты, в изучении которых в СССР были достигнуты выдающиеся успехи (советская ландшафтоведческая школа стала одной из ведущих в мире). Но культурный ландшафт стал трактоваться при этом с сугубо физико-географических позиций; большей частью он отождествлялся с антропогенным ландшафтом — т.е. с «преобразованным» природным ландшафтом, кардинально изменившимся под влиянием человеческой деятельности.

41 Ситуация стала существенно меняться только в 1980-е гг., когда в «позднем» Советском Союзе стала формироваться культурная география как междисциплинарная область научных исследований. В этом процессе отчётливо проявился (наметившийся ещё до горбачёвской Перестройки) тренд к общей «гуманизации» советской экономической географии, к середине 1980-х гг. уже освоившей проблемное поле разнообразных социально-географических исследований и всё более переносившей исследовательский акцент с производственной тематики на человека и общество. Однако разворот отечественной (уже не чисто экономической, но более многоликой, полифоничной и сложнее устроенной социально-экономической) географии в сторону собственно культурно-географического контента ощутимым стал лишь в самые последние годы советской эпохи.

42 И характерно, что становление новой российской культурной географии началось именно с переосмысления феномена культурного ландшафта (см., в

частности [2]). В первую очередь, именно «культурный ландшафт»⁴, в его принципиально новой для отечественного научного географического сообщества интерпретации, стал в итоге научным концептом, позволившим существенно сблизить исследовательские поля российских географов-природоведов и географов-обществоведов. Стал именно тем необходимым звеном, отсутствие которого столь явно ощущалось в советский период, когда с высоких трибун и кафедр много говорилось о том, что «единство географии» якобы ушло в далёкое прошлое. Огромный толчок переосмыслению культурно-ландшафтного подхода дало возрождение интереса к русской антропогеографии, хотя сам этот термин, вошедший в русскую научную традицию со знаменитой работы Л. С. Берга [1], как раз антропогеографами использовался очень редко. Но дело ведь не в термине, а в тех идеях единства природного и культурного начал, что составляли квинтэссенцию антропогеографической школы и придавали ей неповторимое своеобразие...

⁴³ Но ещё большее влияние на становление «новой» российской культурной географии оказало многократно усилившееся взаимодействие с зарубежными научными школами, связи с которыми были очень ограниченными на протяжении многих предыдущих десятилетий. Подъём отечественной культурной географии в конце XX — начале XXI вв. происходит отчётливо в русле глобальных трендов развития географической науки. Ландшафтная традиция — одна из старейших и почтеннейших к мировой культурной географии (наряду с пространственной, средовой, региональной, топической традициями). Но именно культурно-ландшафтный научный подход, в условиях «культурного поворота» в географии, с последней четверти прошлого века, бережно сохраняя наследие своей великой научной традиции, обогатился и принципиально новыми концептами и парадигмами и оказался в высшей степени креативным и продуктивным. И в этом отношении современные российские культурно-ландшафтные научные школы органично вписаны в общемировой контекст.

⁴⁴ Культурно-ландшафтные исследования имеют и огромное практическое, прикладное значение. Культурный ландшафт — всегда продукт сотворчества человека и природы. Проводимые (не только учёными-географами, но и представителями смежных дисциплин) научные исследования, многочисленные публикации подготавливают общественное мнение к признанию роли культурного ландшафта в формировании культурных идентичностей, историко-культурного пространства, среды жизни людей. Весомое научное, познавательное и практическое значение имеют и работы по картографированию культурных ландшафтов, в т. ч. по составлению тематических и региональных ландшафтно-культурных карт и атласов⁵. В мировой культурной географии (и в ведущих национальных школах, рассмотренных в данной статье, и в отечественной науке) накоплен за многие десятилетия солидный опыт выполнения, в т. ч. региональных и полимасштабных картографических культурно-ландшафтных исследований. Теоретические и методические разработки ведущих учёных — зарубежных и отечественных культур-географов, специалистов по культурному ландшафту, несомненно, найдут широкое применение в реализации соответствующих научных проектов практической направленности.

Примечания:

1. По версии, разделяемой рядом авторитетных историков-медиевистов, монахи аббатства сознательно подменили при переводе с латыни «Евангелической гармонии» христианского богослова-апологета II в. Тациана Ассирийца нейтральный латинский термин *regio* (страна, территория, регион) неточным переведённым словом *lantscap* (в данном случае, видимо, в смысле *земли обетованной*).
2. Подробнее см. во многих ранее опубликованных работах. В частности, Д. Косгроув даёт краткий обзор предыстории этого географического понятия в изобразительном искусстве Западного мира — пейзажной (ландшафтной) живописи [23]; Ю. Г. Тютюнник прослеживает перипетии термина «ландшафт» в истории государственного строительства, территориально-политического устройства и самоуправления в Германии и её территориальных княжествах с раннего средневековья до Нового времени — ещё до того, как он был «освоен» в географической науке [16]; В. Н. Калуцков провёл сравнительный анализ истории «донаучных» представлений о ландшафте в сфере политики, живописи и романтической литературы [5].
3. «Народоведение» и «Земля и жизнь» были переведены на русский язык ещё до Октябрьской революции 1917 г. в России; «Антропогеография» не переведена до сих пор.
4. В 1990–2000-е гг. в нашей стране оформилось несколько направлений культурно-ландшафтных исследований и, соответственно, несколько разных трактовок культурного ландшафта: «информационно-ноосферное» направление Ю. А. Веденина и его коллег [2; 7]; «этнокультурное ландшафтоведение» В. Н. Калуцкова ([5] и др.), «культурно-ландшафтный синтез» М. В. Рагулиной [9] и ряд др. Обзор этих направлений, ранее уже неоднократно рассматривавшихся в отечественной литературе, не входит в задачи данной статьи.
5. Рады сообщить читателям «Псковского регионологического журнала», что как раз в этом году начинается и практическая реализация одного из таких проектов — подготовки «Этнокультурно-ландшафтного атласа Псковской области».

Библиография:

1. Берг Л. С. Предмет и задачи географии // Известия ИРГО. 1915. Т. 51. Вып. 9. С. 463–475.
2. Веденин Ю. А. Проблемы формирования культурного ландшафта и его изучения // Известия АН СССР. Сер. геогр. 1990. № 1. С. 3–17.
3. Геттнер А. Как культура распространялась по Земному шару. Л.: Начатки знаний, 1925. 88 с. [Hettner, 1912].
4. Каганский В. Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 576 с.
5. Калуцков В. Н. Ландшафт в культурной географии. М.: Новый хронограф, 2008. 320 с.
6. Кулешова М. Е., Стрелецкий В. Н. Формирование и эволюция представлений о культурном ландшафте // В фокусе наследия / Отв. ред. М. Е. Кулешова. М.: Ин-т географии РАН, 2017. С. 313–329.
7. Культурный ландшафт как объект наследия / Под ред. Ю. А. Веденина, М. Е. Кулешовой. М.: Институт наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. 620 с.
8. Митин И. И. Культурная география в СССР и постсоветской России: история (вос)становления и факторы самобытности // Международный журнал исследований культуры. (Электронное издание). 2011. № 4 (5). С. 19–25.

9. Рагулина М. В. Культурная география: теории, методы, региональный синтез. Иркутск: ИГ СО РАН, 2004. 172 с.
10. Риттер К. Землеведение Азии / Пер. и доп. П. П. Семёнова. СПб.: Тип. Импер. Академии наук, 1856. Т. I. Общее введение и восточная окраина Азии. 736 с.
11. Семёнов-Тян-Шанский В. П. Район и страна. М. — Л.: Госиздат, 1928. 311 с.
12. Стрелецкий В. Н. Географическое пространство и культура: мировоззренческие установки и исследовательские парадигмы в культурной географии // Известия РАН. Сер. геогр. 2002. № 4. С. 18–28.
13. Стрелецкий В. Н. Культурно-ландшафтные исследования в Германии: традиции и современность // Культурный ландшафт: теоретические и региональные исследования / Отв. ред. В. Н. Калущков, Т. М. Красовская. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. С. 42–54.
14. Стрелецкий В. Н. Культурная география в России: особенности формирования и пути развития // Известия РАН. Сер. геогр. 2008. № 5. С. 21–33.
15. Стрелецкий В. Н. От антропогеографии к культурной географии: преемственность в развитии и новые исследовательские направления // Культурные ландшафты России и устойчивое развитие / Отв. ред. Т. М. Красовская. М.: Изд-во во Моск. ун-та, 2009. С. 23–29.
16. Тютюнник Ю. Г. О происхождении и первоначальном значении слова «ландшафт» // Известия РАН. Сер. Геогр. 2004. № 4. С. 116–122.
17. Banse E. Landschaft und Seele: neue Wege der Untersuchung und Gestaltung. München, 1928. 469 S.
18. Bertrand C., Bertrand G. Une géographie traversière. L' environnement a travers territoires et temporalities. Paris: αρ Éditions Arguments, 2002. 342 p.
19. Bobek H. Die Stellung und Bedeutung der Sozialgeographie // Erdkunde. 1948. Bd. 2. S.118–125.
20. Bruhnes J. La géographie humaine. Vol. 1–3. Paris: Félix Alcan, 1909–1910.
21. Claval P. Postmodernisme et géographies // Géographie et Cultures. 1999. № 4. P. 3–24.
22. Claval P. Géographie culturelle. Une nouvelle approche des sociétés et des milieux. Paris: Armand Collins, 2003. 288 p.
23. Cosgrove D.E. Social formation and symbolic landscape. Madison: The Univ. of Wisconsin Press, 1998. 332 p. [Cosgrove, 1984. 1st Ed.]

24. Daniels S. *Fields of vision: landscape imagery and national identity in England and United States*. Cambridge: Polity Press, 1993. 260 p.
25. Deleuze G., Guattari F. *Qu'est ce que la philosophie?* Paris: Éditions de Minuit, 1991. 206 p.
26. Egli E. *Mensch und Landschaft. Kulturgeographische Aufsätze und Reden*. Zürich — München: Artemis Verlag, 1975. 376 s.
27. Foucault M. *Questions on geography: Interview with the editors of "Herodote" // Power / Knowledge: Selected Interviews and Other Writings / Ed. by C. Gordon, 1972–1977*. Brighton: Harvester, 1980. P. 63–77.
28. Hartke W. Die "Sozialbrache" als Phänomen der geographischen Differenzierung der Landschaft // *Erdkunde*. 1956. Jg. 10. Heft 4. S. 257–269.
29. Hartke W. Gedanken über die Bestimmung von Räumen gleichen sozial-geographischen Verhaltens // *Erdkunde*. 1959. Jg. 13. Heft 4. S. 426–436.
30. Hartshorne R. *The Nature of Geography: A Critical Survey of Current Thought in the Light of the Past // Annals of Association of American Geographers*. Vol. 29. 1939. P. 171–645.
31. Hettner A. *Die Geographie, ihre Geschichte, ihr Wesen und ihre Methoden*. Breslau: Ferdinand Hirt, 1927. 463 s.
32. Jackson J. B. *Discovering the vernacular landscape*. New Haven, CT: Yale Univ. Press, 1984. 165 p.
33. Jordan T., Rowntree L. *The Human Mosaic: A Thematic Introduction to Cultural Geography*. 3rd Ed. Cambridge: Harper & Row, 1982. 444 p.
34. Lefebvre H. *La production de l'espace*. Paris: Anthropos, 1974. 512 p.
35. Lowenthal D. *English Landscape // Man, Space and Environment*. N. Y.: Oxford University Press, 1972. P. 81–112.
36. Lowenthal D. *Past Time, Present Place: Landscape and Memory // Geographical Review*. 1975. Vol. 65. No. 1. P. 1–36.
37. Pitte J.-R. *Histoire du paysage français. Tome I. Le sacré: de la préhistoire au XVe siècle*. Paris: Editions Tallandier, 1994. 216 p. *Tome II. Le profane: du XVIe siècle à nos jours*. Paris: Editions Tallandier, 1994. 189 p. [Pitte, 1983].
38. Ratzel F. *Anthropogeographie*. Bd. 1. *Grundzüge der Anwendung der Erdkunde auf die Geschichte*. Stuttgart: J. Engelhorn, 1882. 604 s.; Bd. 2. *Die geographische Verbreitung des Menschen*. Stuttgart: J. Engelhorn, 1891. 781 s.
39. Ratzel F. *Völkerkunde*. Bd. 1–3. Leipzig: Bibliographisches Institut, 1885–1901.

40. Ratzel F. Die Erde und das Leben: die vergleichende Erdkunde. Bd. 1–2. Leipzig: Bibliographisches Institut, 1901–1902.
41. Relph E. An inquiry into the relations between phenomenology and geography // The Canadian Geographer. 1970. Vol. 14. P. 193–201.
42. Relph E. Rational Landscape and Humanistic Geography. L.: Groom Helm, 1981. 231 p.
43. Richard J.-F. Paysages, écosystèmes et environnement. Une approche géographique // L'espace géographique . Paris: Dion, 1975. P. 81–92.
44. Ruppert K., Schaffer F. Zur Konzeption der Sozialgeographie // Geographische Rundschau. 1969. Jg. 21. Heft 6. S. 205–214.
45. Salter C. L. The Cultural Landscape. Belmont, Ca: Duxbury, 1971.
46. Sauer K. Morphology of Landscape // University of California. Publications in Geography. 1925. Vol. II. No. 2. P. 19–53.
47. Schlüter O. Die Erdkunde in ihrem Verhältnis zu den Natur- und Geisteswissenschaften // Geographische Anzeiger. 1920. Bd. 21. S. 145–152, 213–218.
48. Tuan Yi-Fu. Topophilia: A Study of Environmental Perception, Attitudes and Values. Englewood Cliffs, NJ.: Prentice-Hall, 1974. 260 p.
49. Vidal de la Blache P. Tableau de la géographie de la France. Paris.: Hachette, 1903. 395 p.
50. Vidal de la Blache P. Principes de géographie humaine. Paris.: Armand Colin, 1922. 327 p.
51. Wöhlke W. Die Kulturlandschaft als Funktion von Veränderlichen: Überlegungen zur dynamischen Betrachtung in der Kulturgeographie // Geographische Rundschau. 1969. Jg. 21. Heft 8. S. 298–308.
52. Zelinsky W. North America's Vernacular Landscape // Annals of the Association of American Geographers. 1980. Vol. 70. No. 1. P. 1–16.

Cultural-Landscape studies outside Russia: national traditions and scientific schools in the world cultural geography

Vladimir Streletsky

*Principal Research Scientist of of Institute of Geography; Professor, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences
Peoples' Friendship University of Russia RUDN University
Moscow, Russia*

Abstract

The paper describes the historical background and evolutionary trends of the concept of cultural landscape in the world cultural geography. The world-wide leading national scientific schools of the cultural landscape research are compared; the German, French and Anglo-Saxon (British and American) scientific geographical national traditions are chosen as examples for studies. The cultural turn in the world human geography and its consequences for rethinking cultural landscape phenomenon are elucidated; the interdisciplinary linkages between cultural geography, other geographical and social sciences as well as humanities are analyzed. The impact of the contemporary cultural turn in human geography upon the cultural-landscape studies in Russia is evaluated and discussed.

Keywords: cultural geography, cultural landscape, cultural turn in geography, scientism and phenomenology, space and place, locale and local communities

Publication date: 17.05.2021

Citation link:

Streletsky V. Cultural-Landscape studies outside Russia: national traditions and scientific schools in the world cultural geography // Pskov Journal of Regional Studies – 2020. – Issue 3 (43) С. 73-91 [Electronic resource]. URL: <https://prj.pskgu.ru/S221979310010477-7-1> (circulation date: 03.05.2024). DOI: 10.37490/S221979310010477-7